

ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ В КУЛЬТУРЕ ОБЩЕНИЯ НОГАЙЦЕВ (XIX — НАЧАЛО XX В.)

В исследуемое время ногайцы в своей речи широко использовали эвфемизмы и табу на произнесение отдельных слов и словосочетаний. Это своего рода «замена какого-либо выражения, носящего по разным причинам запретный характер, другим выражением» (Лауде-Циртаутас 1976: 72).

Табу и эвфемизмы возникают, как известно, в тех случаях, когда произнесение того или иного слова по какой-либо причине становится нежелательным. Некоторые слова заменяются из-за их неприемлемой в силу различных обстоятельств прямолинейности, которая может быть воспринята как непочтительность. Неприятные для слушателя или собеседника слова заменяются менее неприятными — эвфемизмами (Там же). Многие тюркские народы, например, избегают употребления слова «умирать», когда речь идет о смерти близких родственников или других уважаемых лиц. Так, например, ногайцы, извещая о смерти человека, говорят *тайды*, *кетти* («отошел, ушел в мир иной»). Этот обычай восходит к древнетюркскому времени. В орхонских надписях о смерти членов семьи «автора надписи» и уважаемых им лиц говорится в иносказательной форме: «он стал отсутствующим». Только по отношению к врагам, представителям низших сословий и лошадям употребляется слово «умер» (Там же: 75).

В ногайском языке, как и у большинства тюркских народов, имеет ряд выражений для обозначения материнства. Так, например, слово *буаз* («беременность») употребляется только применительно к животным, в разговоре о женщине оно заменяется выражением *авыр аяклы* (букв. «тяжелые ноги»), *шаркы авыр* (букв. «тяжелое тело»). Слово *тувдырув* («рожать») применимо только к животным, в разговоре о женщине оно заменяется выражением *бала таппак* (букв. «находить ребенка»).

В ногайском языке заменялись названия и некоторых болезней. Так, для обозначения оспы использовали слово *кызылша* (букв. «красная болезнь»), туберкулеза — *оьпке авырув*, юка *авырув* («тонкая болезнь»), нарыва пальца — *алгыз* («одинокий»), остеохондроза — *ель авырув* (букв. «ходячая, как ветер, болезнь»), кори — *кызыл шешекей* («красные цветы»). Для обозначения психических заболеваний использовали выражение *ян авырув* (букв. «душевная болезнь»). Ногайцы также избегают употреблять слово «рак» и используют в этом случае выражением *яман авырув* («плохая болезнь»).

В ногайском языке существует табу на произнесение названий некоторых диких животных. Так, ногайцы не произносили слово волк, его заменяли словом *иткус* (*ит* — ‘собака’, *кус* — ‘птица’), *аты икон* («большое имя»), *доьрт аяк* («четвероногий»). Среди ногайцев бытует поверье, что если они произнесут это слово, то волк нападет на их скот. Подобные поверья существовали и у других скотоводов-кочевников (Лауде-Циртаутас 1976: 74).

Лису называли *туьлки* («хитрая»), оленя — *кыр буга* («дикий бык»), ежа — *кирпи* («колючий»), хорька — *сасык-куьзен* («зловонный»), филина — *япалак кус* («мохнатая птица»), пчелу — *балишыбын* («медовая муха»), мула — *катыр* («крепкий»). Подобные языковые табу на произнесение названий отдельных видов животных были характерны для многих дагестанских (Лугуев 2000: 173) и северокавказских народов (Бгажноков 1983: 118–123). Эти языковые запреты на произнесение названий отдельных животных в этнографической литературе именуется «охотничьим языком» (Бгажноков 1978: 128–129; Техов 1971).

Таким образом, табу и эвфемизмы занимали важное место в культуре общения ногайцев, они помогали людям избегать неприятных тем и одновременно предохраняли от злых духов, которые якобы могли навредить людям.

Библиография

- Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965.
Лауде-Циртаутас И. К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках // Советская тюркология. 1976. № 4.
Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX — начало XX века). Махачкала, 2006.
Техов Д. Охотничий язык у осетин // Известия Югоосетинского научно-исследовательского института. Цхинвали, 1971. Вып. 18.